

Звезды и тернии Эдуарда Марцевича

Маск. пробы - 1995. - 24 янв. - с. 4

Очень хорошо помню, как вскоре после премьеры охлопковской «Иркутской истории» в начале шестидесятых годов на художественном совете Министерства культуры СССР кто-то из самых прославленных старых актеров сказал такие слова: «Если бы я узнал, что Марцевич (он играл Сергея Серегина) совершил что-то непорядочное - для меня это означало бы крушение мира. Такой свет исходит от этого совсем юного человека!» И это восприятие нового актера в тогдашнем Театре им. Вл. Маяковского было всеобщим. Впервые появившись в «Гамлете», хрупкий, золотоволосый, ясноглазый мальчик буквально заворочил всех чистотой своего облика. Его Гамлет - пронзительно искренний, бесконечно отважный, отстаивал человеческое достоинство, честь, благородство бескомпромиссно и пылко. И потому сама его гибель в финале трагедии воспринималась не как крушение высоких гуманистических основ жизни, а как утверждение подвига во имя защиты этих основ. И оставляла хотя и горестное, но просветленное ощущение.

Эдуард Марцевич вырос в актерской семье. Еще в отрочестве и ранней юности, учась в одной из школ Вильнюса, он переиграл много значительных ролей: Артура из «Овода» Э.Войнич, Ромео Шекспира, Самозванца в «Борисе Годунове» А.Пушкина. Сразу после школы поступил в Щепкинское училище, окончив которое, получил приглашение в труппу Малого театра.

Как раз в это время Николай Павлович Охлопков, великий русский актер и замечательный режиссер, тогдашний руководитель Театра им. Вл. Маяковского, выискивал по студиям Москвы молодых актеров для своей прекрасной, но уже постаревшей труппы. Он, как крупинки золота, отбирал каждого нового исполнителя, сразу бросал его в труднейшую, неистовую работу, давал главные роли, занимал из спектакля в спектакль. Так в его коллективе появились и выросли в крупных мастерах сцены Александр Лазарев, Игорь Охлупин и многие другие. Так вошел в эту труппу - ни мало ни много с ролью Гамлета - Эдуард Марцевич.

Сергей Серегин, основной герой пьесы Арбузова «Иркутская история» возник в творчестве Марцевича почти сразу вслед за Гамлетом. Возник в невольном и опасном для молодого исполнителя соперничестве с отличной работой М.Ульянова в спектакле вахтанговской труппы. И не только не потерялся в подобной, казалось бы, заведомо проигрышной ситуации, но обозначил неожиданные, никем из других исполнителей не замеченные, на редкость привлекательные черты персонажа.

Серегин в «Иркутской истории» такой же простой рабочий-строитель, как и остальные герои. Только один, зато самый существенный поступок - высокая нравственная сила любви к Валентине - выделяют его из числа прочих очень хороших, добрых, трудолюбивых, но по стандарту живущих людей, населяющих это произведение. И поэтому, когда Марцевич сосредоточил свое внимание на создании характера поэтического, сложного, высокоинтеллигентного, он имел на это право: внутренняя логика действий Серегина, заданная автором, определяла его видение героя. Сергей Марцевич - душевно тонкий, лиричный, необыкновенно светлый человек - определил и основной настрой спектакля Н.Охлопкова, спектакля о высокой романтичности чувств и мыслей людей, их благородстве, внутренней красоте.

Когда умер Николай Павлович Охлопков, его гроб, безудержно плача, вынесли на своих плечах те самые мальчишки, молодые актеры его труппы Лазарев, Охлупин, Ромашин, Марцевич. Вскоре в их жизни начался новый этап. Некоторые остались в прежнем коллективе. Марцевич перешел в Малый театр, поскольку был связан с его труппой годами учения в студии им. Щепкина, самой школой актерского мастерства Малого театра. И начался новый сложный период его творческой биографии.

Как это ни странно, артист необычайно трудно входил в жизнь вроде бы родного коллектива. Попав из режиссерского театра в труппу, где веками культивировалось блистательное актерское мастерство, а искусство постановщика сплошь и рядом оказывалось только на элементарном уровне, Марцевич как бы потерял привычную основу творчества. Он играл много, играл главные роли - в «Пучине» Островского, «Заговоре Фьеско» Шиллера, «Горе от ума» Грибоедова, «Каменном хозяине» Л.Украинки и пр. Среди этих работ иногда мелькали удачные - разжалованный за острый язык, но бесконечно честный, мужественный старши-

на Дугин в «Рядовых» Дударева (режиссер Б.Львов-Анохин), профессор-психиатр в спектакле Б.Равенских по пьесе И.Друце о Л.Толстом «На круги своя», которого актер увидел как человека, мучительно задумавшегося над тем, что же остается от каждого из нас в этой краткой и

материя режиссурой. Сейчас на его счету несколько постановок. Например, пьеса А.Стриндберга «Отец», где он сам играл главную роль и где чрезвычайно остро звучала тема времени, «в котором расхворались все»; а также «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А.Н.Островского, спек-

такль, и ныне идущий на сцене Малого, некоторые другие.

Параллельно с театром артист много работает в кино. В «Войне и мире» он сыграл Бориса Друбецкого, в киноварианте «Отцов и детей» Аркадия Кирсанова, в «Красной палатке» участника экспедиции Нобиле Мальдгема. Снимался в главных или достаточно крупных по масштабу ролях в фильмах «Женщина в белом», «Идеальный муж», «Дом в дюнах» и пр.пр. А одно время - с 90-го по 91 г. вообще ушел из театра в кинематограф, хотя все же не выдержал жизни без сцены, и именно в период после возвращения в Малый пришел, как мне кажется, к новому качественному уровню творчества.

Во-первых, он, наконец, получил роль царя Федора, к которой готовился еще много лет назад и для которой просто был рожден. И сыграл этот овеванный сценическими легендами образ (достаточно сказать, что эту роль играли Москвин, Качалов, Хмелев, Добронравов, Смоктуновский!) ярко и очень по-своему. Он еще не до конца освоил сложнейший материал роли, но уже сделал главное - нашел ту меру поразительной, почти детской наивности этого странного сына Ивана Грозного, его нездешней, как у нестеровского отрока Варфоломея, чистоты и чувства трагической обреченности. Доверчиво, горестно, все понимая, всматривается Федор Марцевича в волчи и игры боярского окружения. Бешеным гневом (сын Грозного!) загораются его глаза, когда он поднимает печать над ужом об аресте Шуйского. И пронзающая душу боль человека, познавшего всю бездну отчаяния от невозможности отстоять добро и нравственность, выплескивается в его финальных словах

«А я хотел все сгладить». Образ играется без всяких контуров, просто, сильно, человечно. Он, конечно, еще будет развиваться, расти. То, что нашел артист в настоящее время, не исчерпало его. Но это и прекрасно. В большом, высоком искусстве так и работают большие художники.

Успешным оказалось появление артиста в телевизионной, многосерийной постановке Г.Гурвича со странным названием «Подлинный художник, истинный артист, настоящий убийца». Марцевич играет там роль бывшего звездного, погоревшего на своем беспутстве танцовщика, ставшего затем балетмейстером и выдворенного из страны в связи с неприятным официальными кругами особенностей его творческих поисков. Фильм строится на том, что бывший диссидент возвращается домой и ставит наконец тот спектакль, который запрещали когда-то. Поразительно играет Марцевич этот характер - сломленный, перегоревший, в чем-то неприятный и вместе с тем трогательный в искренней беспредельной преданности искусству.

Если прибавить к этим двум ролям князя К. в «Дядюшкином сне» Ф.Достоевского, сыгранного легко, изящно, виртуозно, комедийно и вместе с тем с ноткой щемящей грусти по поводу состояния деградации, распада человеческой личности, в котором находится старый рамолик, - то можно уже говорить о том, что ищущий, тонкий, взыскательный артист Э.Марцевич, пройдя через тернии, вновь вышел к своим звездным высотам. В отличие от ставшего легендой князя К. в исполнении Н.Хмелева в старом мхатовском спектакле, Марцевич предложил свою версию отношения к князю, менее трагедийную, но не менее цельную. Его князь, довольно противный в неуместной старческой плотоядности, с уморительной важностью выступающий на уже непослушных, заплетаящихся ногах, вызывает разные чувства. Тут и ирония к его потугам казаться победительным светским повесой, и сострадание к физической немощи, к преклонному возрасту персонажа, а в итоге, как это бывает при встрече с подлинным произведением искусства, мы смеемся и грустим над нелепостью происходящего, задумываемся над горестным и зачастую трагическим несовершенством нашего собственного существования. И ждем от артиста, который так много может рассказать о жизни, о людях, следующих увлекательных повествований.

Ирина МИХАЙЛОВА.

На снимках: Э.Марцевич в роли царя Федора и князя К. Фото А. НЕЛИНОВОЙ.